

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

**Философская мысль:
рецепция и интерпретация****Язык как собственная форма (Eigenform)
и рекурсия означающих****Д.Э. Гаспарян**Национальный Исследовательский Университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-125-143

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Гипотезой настоящего исследования является идея того, что язык является так называемой «собственной формой», по отношению к которой исследователь не может занять позицию внешнего наблюдателя. Тема исследования напрямую связана с принципом Eigenform (самоформой, собственной формой), описанной Фёрстером, Кауффманом и отчасти Спенсером-Брауном. В исследовании используется также рекурсивный принцип исчисления собственных форм, основанный на подходе Кауффмана. Показывается, что исследователь всегда уже погружен в процесс оперирования знаками и не может занять внешнюю позицию. Язык является собственной формой, поскольку описывая или объясняя язык, мы, всегда уже пользуемся языком, в нем находимся. Поле знаков покинуть невозможно как и саму реальность, которая оказывается всегда уже интерпретированной в знаках. Обосновывается, что знак и объект (означающее и означаемое) не предшествуют и не существуют изолированно друг от друга, но, напротив, обуславливают друг друга. При этом предполагается показать как принцип самореферирования, которое организует форму языка как Eigenform, переходит в идею «взаимной референциальности», когда речь заходит о соотношении языка и мира. Речь идет об умножении референций, где каждый следующий знак оказывается на месте означаемого в новом цикле. Рассмотрение языка как собственной формы

* В данной научной статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта по гранту РФФИ № 18-011-00124 «Особенности феноменологии (феноменологического подхода) в современной аналитической философии сознания» (2018–2020).

должно пролить свет на традиционную проблему соотношения лингвистической и экстралингвистической реальности.

Ключевые слова: Eigenform, собственная форма, несобственная форма, язык, значение, семиотика, семиозис, референция, самореференция, рекурсия, знак.

Гаспарян Диана Эдиковна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории трансцендентальной философии, доцент школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

anaid6@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5541-074X>

Цитирование: Гаспарян Д.Э. (2018) Язык как собственная форма (Eigenform) и рекурсия означающих // Философские науки. 2018. № 8. С. 125–143.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-125-143

Language as an Eigenform and the Recursiom of Semiosis*

D.E. Gasparyan

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-125-143

Original research paper

Summary

The hypothesis of this paper is that language is one more Eigenform, the “external” description of which is impossible. It follows that the application of second-order cybernetics to Eigenform might be adequate. In this article, I would like to concentrate on one relatively small aspect of the idea of Eigenform suggested by Foerster, Kauffman and Spenser-Brawn. I will use Foerster’s recursive approach namely that neither observer nor the thing observed can precede each other, but instead mutually assume each other. In my research, language would stand in the place of the observer, and in the place of the thing – the world itself. To specify further, I focus on the *problem of noting*, and in particular, on how *signs correspond to things*. Therefore, I will try to show that the sign and the object (the signifier and

* This article makes use of the results obtained during the project “The Features of Phenomenology (Phenomenological Approach) in Contemporary Analytical Philosophy of Mind” (2018–2020), funded by the grant no. 18-011-00124 from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR).

the signified) do not precede one another and do not exist isolated from each other, but on the contrary, condition each other. Thus, language creates the world of objects, but in turn, it is created by the world. Thus it is a model of self-referentiality, which arranges the form of language as Eigenform as the idea of “mutual referentiality,” as we see it in the relation between language and the world.

Key words: Eigenform, language, meaning, semiotics, semiosis, reference, self-reference, recursiveness, sign.

Diana Gasparyan – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, School of Philosophy; Senior Research Fellow, Laboratory of Transcendental Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

anaid6@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5541-074X>

Citation: Gasparyan D.E. (2018) Language as an Eigenform and the Recursion of Semiosis. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. 2018. No. 8, pp. 125–143.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-125-143

Введение: формы собственные и несобственные

Понятие собственных и несобственных форм появилось для объяснения того, как формируется знание в различного рода системах. Хайнц фон Фёрстер, Стюарт Кауффман и Джордж Спенсер-Браун предложили принцип Eigenform (собственная форма). Eigenform – это рекурсивная форма описания-конструирования (x) системой чего-либо, что является описанием-конструированием (x) самой этой описывающей-конструирующей системы: $x = f(x)$ [Foerster 1977]. У Кауффмана, благодаря процедурам рекурсии, под собственной формой понимается принцип инверсии формы и содержания. Получается, что собственная форма – это форма познающей системы, а именно ее особой части, оператора, способного производить такие содержания, которые являются ее же (собственными) формами: $k = f(k)$ [Kauffman 2005]. У Спенсер-Брауна собственная форма понимается как «форма дистинкции»: вместе с самим содержанием даются условия, обеспечивающие форму содержаний (в качестве еще одного содержания). Поэтому собственная форма – это форма, способная производить смыслы, которые являются (ее) собственными содержательными законами – условиями (ее) существования [Spencer-Brown 1969].

Концепт Eigenform отсылает к системному подходу, согласно которому, для создания адекватной теории (системы знания) необходимо задать уровень более высокого порядка (мета-уровень), с помощью которого исследуемый объект будет формализован. Знать и понимать тот или иной объект означает описать его в терминах более высокого уровня. Если эти условия выполняются, возможно нормальное познание или создание новых объектов [Позднякова 2014]. Учитывая, что каждый объект может выступать объемлющим объектом для объяснения другого объекта, эти объекты можно назвать «формами» – несобственными, так как они могут выступать внешними, иными по отношению к познающей системе. Однако наряду с этими формами, по-видимому, существуют такие, в отношении которых, в силу их всеохватности, тотальности и предельности, мета-позиция выстроена быть не может. Такие формы Фёрстер и Кауффман предложили называть *собственными (самоформами или Eigenform)*.

Гипотезой настоящего исследования является то, что язык является собственной формой, по отношению к которой исследователь не может занять позицию внешнего наблюдателя. Описывая или объясняя язык, мы всегда уже пользуемся языком, в нем находимся. Как отмечает Моисеев, «уже в самой разработке модели Eigenform чувствуется претензия на некоторое предельно универсальное исчисление. Авторы этого направления ищут некоторый прото-язык форм с простейшим и максимально пластичным алфавитом и синтаксисом» [Моисеев 2014]. Это дает мне дополнительное основание связывать Eigenform с языком. Я попробую показать, что знак и объект не предшествуют друг другу и не существуют изолированно друг от друга, но напротив, взаимно обуславливаются. Рассматривая язык как собственную форму Eigenform, мы фактически снимаем вопрос о соотношении лингвистической и экстралингвистической реальностей. У языка нет «внешнего», его внешнее есть сторона внутреннего.

Метафизика Eigenform имеет давнюю традицию. В философском плане Eigenform впервые была продумана в рамках понятия субстанции [Борчиков 2014]. Это понятие имеет множество интерпретаций в истории философии. Наиболее близким понятием к тому, что подразумевается под Eigenform, будет идея субстанции в философии Гегеля (Абсолют как мыслящее себя сущее) и Спинозы (*causa sui* – причина самой себя). В обеих этих конструкциях речь идет о тождестве объекта и субъекта – и по сути то же самое

так или иначе подразумевается в идее Eigenform. Главным аргументом в пользу необходимости ввести такое понятие является потребность работать с всеохватными образованиями – такими, у которых по определению не может быть мета-уровня. Спиноза впервые показал, что если мы хотим говорить о мире в целом, то следует ввести понятие субстанции. Субстанция может быть только одна, поскольку охватывает все, создает весь мир, сама же этим миром и являясь, творит себя из себя. Она обязана быть тождеством формы и содержания, это типичный пример собственной формы: $S(S) = S$, где S – субстанция. Если представить единственный мир (субстанцию) как существующий (Cc), но также и знающий о своем существовании (Cz), то это будет означать следующее: $Cz \downarrow Cc = Cc$. И если теперь Субстанцию-знающую математически интерпретировать как функцию Субстанции (fC), а саму Субстанцию-существующую (Cc) как ее аргумент (математический x), то получаем формулу: $fC \downarrow x = x$, или $X = f(X)$. Именно эта формула под названием «Eigenform» приобрела главенствующее значение в современном исчислении форм.

Рассмотренная функция является особой: в ней реализуется тождество формы с содержанием, которого нет ни в одной другой форме. Обычные (несобственные) формы лишь отражают внешние объекты и первичные содержания. Но если форма способна направлять свое вторичное внимание на сами формы и содержания (модусы), тогда возникают образы более высокого уровня (метафизического), которые именуются метаформами. Наконец, если все эти метаформы остаются частью первичной формы, то мы имеем дело с собственной формой – Eigenform.

Как показал Спенсер-Браун, любая познавательная конструкция обязана начинать с различения (разграничения) на внутреннее и внешнее, с проведения границы. Но что делать в тех случаях, когда различие провести не удастся или когда оно является искусственным? Базовое различие «язык – мир» является тривиальным только на первый взгляд. Как наблюдатель является неотъемлемой частью вселенной, поскольку именно в ней он обретает свою реальность, так же и знаковая система является частью того мира, который фактически описывает (называет). Кроме того, классические основы семиотики учат нас тому, что семиозис протекает повсюду [Есо 1990]. Так называемая биосемиотика даже физический мир толкует как результат (био)семиотических процессов (материя в своем формообразовании избирательна, а

значит, она способна к интерпретации) [Sebeok, Umiker-Sebeok 1992]. Если человек-наблюдатель есть часть вселенной, а физические законы, управляющие процессами в его теле, в точности такие же, как и в других местах космоса, тогда он так же связан с внешним миром, как и с той частью тела, которую может наблюдать [Попков 2015]. Если знаковая реальность также является для нас всеохватной, поскольку без ее помощи мы не можем познавать саму реальность, то здесь впервые возникает метаязыковой парадокс или парадокс самореференции. Наблюдатель не в состоянии охватить себя целиком. Даже целостность моего тела не дана мне как объект, чему не может помочь ни зеркало (фрагментированность созерцания сохраняется), ни видео-съемка (на пленке не я, но картинка меня, которую я, не совпадая с ней, наблюдаю). Равно если я пожелаю сделать объектом работу собственного мозга, то наблюдение за этим процессом образует бесконечный регресс умножения мониторингов. Невозможно провести отграничение вселенной от чего-то другого, поскольку другого для вселенной просто нет. Выхода из этой ситуации не существует, но у нее есть одно удивительное следствие, а именно: наблюдатель сам есть та вселенная, которую он наблюдает [Попков 2015]. Это следствие в философском плане отвечает на вопрос, почему мир соразмерен нашему познанию и почему самые большие абстракции в нем работают. Нам это следствие поможет ответить на вопрос, почему мир поддается языковому описанию, схватыванию в знаках, и почему в принципе язык оказывается работающей системой. Для более специальных разделов знания данное следствие будет означать возможность решить некоторые метаязыковые трудности формализации систем (это пытался сделать сам Спенсер-Браун), алгоритмизации, построения программ и моделирования, равно как и объяснения того, что есть живое. Этими вопросами занимаются такие разделы современной мысли, как энактивизм, теория автопойезиса, кибернетика второго порядка и т.д.

Язык как парадоксальный объект

Если поставить вопрос, как сам язык может быть объектом (научного исследования или простой повседневной рефлексии «я пользуюсь языком»), то мы столкнемся с известным метаязыковым парадоксом, который есть результат наложения двух языков: языка, на котором говорится о действительности, лежащей вне его, и языка, на котором говорят о первом языке (Тарский, Рассел).

Трудности формализации языка как объекта подпадают также под обобщенную формулировку теоремы Геделя о неполноте: «Всякая рекурсивно формализуемая теория первого порядка неполна» – что означает, что невозможно обосновать теорию ее собственными средствами. Парадокс удалось решить посредством разграничения объект-языков и метаязыков, выстраивая «лестницу языков» (Тарский). Такая модель решения, впрочем, предполагает формализацию языка, и в нашей терминологии является примером несобственной формы. Однако, важно понимать, что, в отличие от формализованных языков, в естественном языке нет различия между объект- и мета-уровнями. Так носитель русского языка не различает, как правило, два утверждения: «Идет снег» и «Верно, что идет снег», хотя одно из них говорит о снеге, а другое – о высказывании относительно снега. Если бы мы пожелали говорить о мире на одном языке, а о самом языке – на другом, то нам пришлось бы воспользоваться другим, отличным от русского, языком, например, английским. Тогда, чтобы языковое мышление русскоговорящего человека зарегистрировало разницу, следовало бы говорить не «Утверждение “Идет снег” верно», а «The statement “Идет снег” is true». Согласно, теории Тарского, в такой модели получается, своеобразная иерархия языков, каждый из которых используется для вполне определенной цели: на первом говорят о предметном мире, на втором – об этом первом языке, на третьем – о втором языке и т.д. Во избежание противоречий, возникающих в языке 1, необходимо задействовать более широкий язык 2, в котором есть выражения, отсутствующие в языке 1. Ясно, что иерархическое разграничение языков, обычное в науках, подобных логике или программированию, практически не выполнимо в рамках естественных языков и повседневной речевой практике. Для таких случаев Тарский ввел понятие семантически замкнутого языка: все смыслы и значения вырабатываются в нем самом – чтобы понимать, нам не нужно выходить за его пределы. Его устройство фактически подпадает под описание собственной формы. Естественный язык включает высказывания «о-», например, высказывания об истинности самих этих высказываний. Соответственно, он позволяет не только что-то утверждать об экстралингвистической реальности, но и оценивать истинность таких утверждений. Семантически замкнутый язык оказывается, таким образом, внутренне противоречивым [Кашкин 2013].

Но как возможно, что говорящее существо все-таки справляется с этим противоречием, умеет и продолжает говорить? Как утверждают специалисты, «речевые агенты» находятся в когнитивных отношениях со своим языком трояким образом: они до-рефлексивно знают язык, рефлексивно рассуждают о языке и со временем развивают способы отчуждения, «объективации» своих сведений и представлений о языке (коллективно сохраняемые и транслируемые далее лингвистические нормы). Две последние формы можно посчитать мета-языковыми формами, причудливо вплетенными в единую систему языка. Однако если принимаемое языковым сообществом знание (нормы) появляется не сразу и в этом смысле хоты бы исторически отстоит во времени и условно может быть обозначено как мета-уровень, то рефлексия каждого отдельного пользователя языка о его вербальном инструменте появляется одновременно с ним самим. По утверждению У. Матураны, наблюдатель включен в собственное наблюдение на правах наблюдающего за наблюдением [Maturana 1990]. Самонаблюдение встроено в механизм языковой деятельности, который, по сути, есть реализация собственной формы *Eigenform*. Наблюдение за собственной речевой деятельностью проявляется в рекурсии, предпонимании, коррекции своей и чужой речи и т.д. Речевой самоконтроль входит в общий механизм когнитивного мониторинга [Flavell 1979]. Употребляя язык, а также рекурсивно воссоздавая его из речи, человек реализует собственную форму языка. С точки зрения несобственных форм такой принцип будет включать в себя противоречия. Поэтому задача состоит в том, чтобы расширить представление о формах и ввести форму – *Eigenform*, которая отчасти претендует на то, чтобы, не будучи ограниченной простым сведением к признанию самозамкнутости и противоречивости, показать, как возможно, что естественный язык работает как система и описывает мир. Механизмом, объясняющим эту возможность, как раз и является принцип рекурсии означающих, о котором далее пойдет речь.

Язык как система различений

Попробуем теперь показать как устроен язык в качестве системы. Для этого вначале рассмотрим *принцип различения*, который также можно было бы назвать *принципом десубтантивации*. Этот принцип восходит к фундаментальным представлениям Спенсера-Брауна [Spencer-Brown 1969], согласно которым в осно-

вании всякого формального исчисления положена первичная операция «различия». Этот же принцип мы встречаем в структурной лингвистике Ф. де Соссюра. Он показывает, как ведут себя объекты внутри таких систем, которые являются всеохватными и тотальными, то есть по сути самоформами.

Попробуем обнаружить, что образует ценность (value) минимального элемента языка – фонемы или буквы. К примеру, мы хорошо понимаем, что буква «А» может быть написана чернилами на бумаге или мелом на доске, может иметь разную форму начертания, но мы опознаем ее как одну и ту же букву «А». Чем же она является, если ни форма, ни цвет, ни условия записи или произнесения к этому не причастны? Лингвистика дает следующий ответ – *значение определяется местом в системе*. Это место есть то же, что функция или возможность замещения другой фонемой или буквой из данной системы фонем/букв. То, что буква «А» *не-есть* ни буква «В», ни буква «Я», и составляет ее суть. «Отличие знака от других и есть все то, что его составляет» [Соссюр 2004, 76].

Таким образом, следует вообще отказаться от риторики субстанциальности в применении к знакам. Такая методика «...во-первых, отказывается трактовать члены отношения как независимые сущности и, напротив, принимает в качестве основы своего анализа отношения между ними; и, во-вторых, она вводит понятие системы, беря за основу требование ее самозамкнутости» [Соссюр 2004, 78]. Знаки не являются такими же сущностями, как объекты физического мира. Их существование не субстанциально, а строго *дифференциально*. Взятые вместе они образуют систему, имеющую определенную форму, организующую расположение частей-знаков так, чтобы каждый из них имел значение. Если понимать форму при этом предельно широко – как некоторую определенность, возникающую в связи с *архитектурой внутренних различий* (distinctions), то мы фактически получим то определение системы, которое может быть понято по аналогии с Eigenform.

Такая форма содержит в себе два важных принципа. Первый принцип указывает на то, что наше чувственное восприятие реальности определяется не чувствами, а формирующей это восприятие системой знаков. Распознавание (так называемый фонематический слух) определенных звуков работает только в том случае, если оно позволяет различать слова. Язык, который определяется как

«пучок дифференцированных величин», формирует, таким образом, потенциал нашего восприятия. Второй принцип организации языка заключается в *двусторонней теории знака*, иногда называемой *неклассической теорией значения*. Классическое представление о знаке и его значении, восходящее к Аристотелю, подразумевало, что знак существует сам по себе, а вещь сама по себе, но знаки могут крепиться к вещам и представлять за них. Получалось, что значение знака может быть реальным физическим объектом вещного мира. Структурная лингвистика отменит это представление о знаке в пользу единства его двух сторон, одна из которых будет названа *означающим*, а другая *означаемым*. Знак не отсылает к значению (вещи) *вовне*, он отсылает к значению *в собственных границах*. Подобный механизм означения явственно подчиняется логике *Eigenform* – «объекты» формируются внутри, но проецируются «вовне», вся конструкция имеет циклическую структуру «самоформирования».

Таким образом, знак устроен так, что *идеальный* акустический образ отсылает к *идеальному же* понятию, в то время как вопрос о подкреплении этой схемы наличием реального вещного мира остается открытым. Язык тогда – «...это система знаков, в которой единственно существенным является соединение значения и акустического образа, причем оба эти элемента знака в равной мере психичны» [Соссюр 2004, 98]. При этом значение как бы «зашито» в знак, а вовсе не расположено вне знака. Это положение может показаться странным – разве в мире нет настоящих деревьев, к которым можно подойти и пощупать их и которые вполне материальны, а не идеальны? Разве не они в конечном итоге есть те референты-значения, к которым отсылают знаки? Вопреки интуиции реализма, мы должны рассуждать здесь по-другому: дерево, к которому мы подойдем и прикоснемся, является для нас «деревом», определенным объектом, а не грудой бессмысленных пикселей, но за формирование этого объекта ответствен язык. Фокус в том, что когда мы гладим «дерево» по «стволу», любуясь его «кроной», нами движет словарь (а не непосредственная чувственность, которая обеспечивает лишь доступ к пикселям), который и позволил увидеть нами в этом объекте дерево, а не что-то еще. Определенность объекта задается процедурой означения, в которой один знак всегда ведет к другому, и тогда для того чтобы существовать и функционировать, язык вовсе не нуждается в мире [Umerez 1995].

Как мир соотносится с языком: тождество вещи и знака

Все вышеперечисленные соображения касательно проблемы соотношения языка и мира, как кажется, были недостаточно радикальны в главном – указании на неочевидность *предсуществования означаемого означающему*. Ведь не совсем понятно, предшествует ли реальность знаку или знак реальности, и если верно второе, то не должны ли мы объявить знак самой (внеязыковой) реальностью?

Если лингвистический знак полностью имматериален, означает ли это, что для установления значений реальный мир нам не понадобится? Здравый смысл подсказывает нам, что по ту сторону знаков есть вещи, и хоть *внутреннее строение* знака не требует вещей, знак обязан соотноситься с вещами *внешним* образом. Но *должны ли* эти вещи наличествовать для того, чтобы знак мог исполнять свою функцию? Почему вещь должна быть *прибавлена* к знаку, если знак не связан с ней никакими генетическими узами? Один из возможных ответов, предлагаемых лингвистикой, мог бы выглядеть так: сложившаяся система языка может функционировать и без отсылки к реальному миру вещей, но *изначальное* формирование языка должно было происходить по поводу и в связи с вещами. Подобное объяснение, построенное на логике «первого раза», выглядит несколько мифически, поскольку не объясняет, каким образом «первое» означаемое могло быть вещью и как оно затем перестало ею быть и т.д. На эту трудность неоднократно обращали внимание философы [Деррида 2000] указывая, что концепт знака не оговаривает удовлетворительным образом механизм взаимодействия с внешними предметами. В основании этой трудности лежит линейное представление о знаке и его значении – есть некая начальная точка, в которой произошло скрепление знака с вещью. Забегая вперед, скажем, что в случае применения принципа Eigenform вводить некий «первый раз» не придется – при циклической замкнутости системы знаки всегда уже соотносятся друг с другом, но так, что при этом «возникают» значения.

Если мы задействуем теперь второе существенное определение знака и, в пределе, всего языка – как сугубо дифференциального образования – то должны будем сказать, что знаки, не имея никакой суверенной значимости за пределами системы в целом, относятся, прежде всего, друг к другу. Отсюда вывод о невозможности существования одного знака и невозможности языка

с одним знаком, что служит хорошим подтверждением принципа радикальной дифференциальности знака и языка. В свою очередь и *означающее* и *означаемое* являются исключительно *со-относительными объектами*. Эти две стороны знака также удерживаются только *взаимно-референциальной связью*. Принципиальное сращение означаемого и означающего существенно, поскольку первое существует лишь по поводу и в связи со вторым и наоборот [Morris 1964].

Здесь намечаются еще две новые проблемы. Коль скоро означаемое и означающее отсылают друг к другу, то означаемое, во-первых, нельзя изолировать (вывести из структуры языка и поставить вовне), а во-вторых, невозможно определить, что предшествует чему – означаемое означающему или наоборот. В данном случае вполне срабатывает принцип *Eigenform* – ни форма не предшествует содержанию, ни содержание не предшествует форме, они образуют и творят друг друга. В пределах самого знака срабатывает структура продуктивной циркулярности (*circularity*) [Füllsack 2014]. Это положение, естественно вытекающее из определения знака, возможно, представляется контринтуитивным, так как здравый смысл стремится настоять на том, что означаемое имеет приоритет изначальности и существует *до* означающего. Но и здесь приходится игнорировать данные обыденного представления, так как если означающее и означаемое удерживаются друг другом, то у них не может быть ни смыслового, ни предметного опережения.

В такой редакции рассматриваемый нами принцип перекликается с теорией языка Л. Витгенштейна. У него единственная реальность речи – это пропозиции (предложения), а единственная реальность мира – факты. Но факты всегда уже соответствуют предложениям, а предложения фактам [Витгенштейн 1958]. У них одна и та же *форма*. Эта форма дана двумя и сторонами – стороной фактов и стороной предложений. «Идет дождь» – это одновременно и факт, и пропозиция, описывающая факт. Используя аппарат *Eigenform*, об этой структуре можно сказать так: «идет дождь» это такое предложение, которое описывает факт ‘идет дождь’, который конструируется предложением «идет дождь», которое описывает факт ‘идет дождь’. Данная конструкция предполагает рекурсивный уход в бесконечность по модели Кауффмана (если $OA=A$, то на место A можно подставить OA , получив: $OOA = A$,

и так можно продолжать до бесконечности, получая последовательности: $OO \dots OOA = A$).

Как мир соотносится с языком: рекурсия означаемых

Если суммировать все вышесказанное, то язык или всю процедуру означения можно тогда представить в качестве принципа Eigenform. Мир означенный (M_o), который есть также мир существующий (M_s), будет формализовываться так: $M_o \downarrow M_s = M_o$. Мир всегда уже есть мир означенный (и фактически сформированный означением), а язык всегда уже означает (*конкретно*) *этот* мир. Мы живем в мире, который структурирован и категоризирован для нас знаками [Riegler, Weber 2013]. Мир = Мир означенный. Это формула читается и в обратную сторону: Мир означенный – это Мир, в котором мы живем, это единственный мир, который мы знаем как осмысленный и как тот, который мы полагаем предельно реальным.

Знаки не обладают магической способностью «творить» твердые столы, сладкие плоды или мокрую воду. Но они творят значения вещей, с которыми единственно и всегда мы имеем дело. Пользоваться языком – значит иметь дело с понятиями, а не с самими вещами непосредственно. Соответственно, говорить или думать значит всегда иметь дело со смыслами происходящего, а не с происходящим самим по себе. Нам дается только то, что мы сами наделили смыслом. Смыслы же всегда задаются языком. Но в таком случае теряется необходимость разделения на «мир сам по себе» и «мир, данный нам в знаках». В зависимости от того, что «скажет» язык, мир будет предъявлен нам как некая «реальность», предварительно означенная. Модель языка как Eigenform подразумевает, что язык не «фиксирует» действительность, а скорее, «конституирует» ее. Именно знаки формируют то, что мы сможем увидеть. Но до процедуры означения нет и самих знаков – они всегда уже что-то значат, для того чтобы быть. Здесь форма является также содержанием, так как то, как сделаны вещи (с помощью знаков), становится тем, что мы и познаем с помощью этих же знаков. Знак (Реальности) = Знак или Смысл (Реальности) = Смысл: $S(R) = S$. Язык «вначале» творит мир, а затем его опознает. Можно сказать, что творит он его в первом цикле означения, а познает – во втором. Но эта последовательность является смысловой, а не хронологической. Во времени два эти этапа всегда уже синхронизированы.

Сама процедура означения является рекурсивным образованием. Если нам дано некоторое предложение, то значением этого предложения будет другое предложение, которое, в свою очередь, затребует еще одного для прояснения своего смысла, и так до бесконечности. Для того, чтобы нечто *осмысленное* было высказано, оно должно быть сформулировано в виде предложения, состоящего из слов, для понимания которых мы должны сформулировать предложения, раскрывающие их значение. Тем самым мы вынуждены ввести новые слова, требующие экспликации в новых предложениях и т.д. Если принять предложение за некое имя, то ясно, что каждое имя, обозначающее объект, само может стать объектом нового имени, обозначающего его смысл: n_1 отсылает к n_2 ; n_2 отсылает к n_3 и так далее. Когда мы высказываем что-то, то мы при этом никогда не проговариваем непосредственный смысл того, о чем идет речь. Смысл того, о чем мы говорим, можно сделать разве что объектом следующего предложения, смысл которого также не проговаривается. В подобной ситуации имеет место своего рода бесконечное умножение того, что подразумевается. Это отчасти согласуется с принципом «означающего сдвига», в котором Кауффмана развивает представление о возможности ситуации, когда имя становится равноправной частью вместе с объектом в составе некоторой единой целостности [Kauffman 2005]. Носители языка усваивают значения слов благодаря тому, что они пользуются одним и тем же лингвистическим аппаратом – языком, представляющим собой замкнутую систему, дифференцированную по принципу взаимных отсылок.

Отталкиваясь от этих соображений, можно расстаться с реалистскими интерпретациями значения. Отныне значением будет то, что образовано системностью языка (внутренним порядком и распределением элементов), а не отношением знака к «реальной» вещи. Данный принцип и позволяет сблизить язык с *Eigenform*. Нельзя говорить об объектах самих по себе, как о некоторых «вещах в себе», лежащих вне пространства означения. Без предварительной работы знаковых операторов объекты вообще не имеют смысла, они могут возникнуть только в существенно знаковой среде, представленной как система операторов означения.

Таким образом, базовым различием, которое задает сам язык, является различие «мир – язык». Спенсер-Браун изображает такой знак с помощью угла, который с одной стороны является линией (границей), а с другой стороны – пустотой (вдоль границы).

Благодаря этому различению фактически появляется мир. Это положение можно вывести из первой аксиомы Спенсера-Брауна: «Мы принимаем как данные идею дистинкции и идею индикации, а также то, что мы не способны осуществить индикацию, не осуществив дистинкции» [Spencer-Brown 1969, 32]. В нашем случае, указание на мир, требующее отличения от языка, выполнено внутри самого языка.

Всякая индикация, конечно, является референцией к чему-то внешнему по отношению к языку. Но в то же время эта индикация может быть осуществлена *исключительно в рамках* системы означения (язык) и только средствами этой системы. При всем «внешнем» характере данный «объект» все-таки остается *частью* (или *другой стороной*) различения, «творцом» которого является сама система означения (язык). В этом смысле внешний мир принадлежит системе как часть дифференциации, порожденной самой системой.

Такая модель оказывается возможной потому, что «означаемое», к которому отсылает «означающее» само выступает в качестве «означающего», так как для того, чтобы *быть значением*, оно должно находиться в статусе адресации. «Всякое означаемое есть также нечто, стоящее в положении означающего» [Деррида 2005, 86]. В системе языка, где даны лишь имманентные связи, все отношения поддерживаются внутренним движением взаимных референций. Но тогда само «означаемое» *есть* потому, что есть движение референциальной сети знаков. «Означаемое» как своеобразный эффект присущ самому значению, так как встроен в замещающую систему языка, о которой мы говорили выше. В этой системе каждый элемент обладает значением потому, что может быть заменен другим. Но в таком заместительном движении означения невозможно удержание в постоянном, тождественном себе состоянии, так как условием возникновения значения служит его «смещенность», представление через другой знак. Это также перекликается с принципом «означающего сдвига» Кауффмана, так как каждое имя (знак) всегда может быть использовано повторно под видом означаемого.

Именно здесь срабатывает важнейший принцип рекурсии, существенный для поддержания Eigenform. Взаимная референциальность не просто пробегает по кругу, где означаемое и означающее остаются прежними. Она делает это по принципу рекурсии – мультиплицированного умножения референций, где

каждый следующий знак оказывается на месте означаемого в новом цикле означения [Pattee 1995].

В общем и целом в семиотике всякая реальность рассматривается как мыслимая и доступная исключительно в форме знаков [Есо 1990]. Пирс вводит понятие реитерации. *Возникновение реальности – это реитерация, или переработка использованных знаков.* Р. Барт радикализирует этот подход, настаивая на том, что у знаков вообще нет референтов [Барт 1994]. Обратить внимание можно на означаемое или на означающее, но сама эта дифференция уже не может иметь никакой противоположности. Даже если некие вещи находятся за пределами языка, мы будем только бесконечно к ним приближаться, производя все новые и новые итерации и реитерации. Так проявляет себя Eigenform – она задает свое внутренне как свое внешнее. В результате такого самооформления мир узнает о себе. Мир порождает язык, который порождает мир, что возможно прочитать и наоборот – язык порождает мир, который порождает язык. В нашем контексте это означает, что при том, что язык формирует мир, сам этот язык появляется *в этом мире, принадлежит этому миру*, и в этом смысле не образует собой никакой мета-реальности.

Выводы

Придавая языку значение собственной формы Eigenform, мы фактически снимаем вопрос о соотношении лингвистической и экстралингвистической реальностей. У языка внешнее есть сторона внутреннего. На основе постоянной рекурсии конструирование создает всегда-оформленный мир опыта, в котором означающее и означаемое составляют неразделимое единство. Описания всегда являются самоописаниями. Применяя этот принцип к языку, мы показали, что он как нельзя лучше определяет отношение языка к миру.

В основе этой модели лежит проблема того, как знаки обретают свои значения. Как мы показали, для того, чтобы вещь была опознана в качестве определенного объекта, уже нужно применить язык (систему наблюдения-означения). Но если мы при этом продолжаем считать, что язык и мир являются независимыми друг от друга, то не можем согласовать представление о зависимом от языка мире и независимом от мира языке. Напротив, если мы посчитаем их взаимно-референциальными, то сможем предложить более когерентную модель. Помочь это сделать может принцип

соотношения означаемого и означающего. В нем утверждается идеальный (внутриязыковой характер означаемого) и дифференциальный (таже внутриязыковой) характер любой процедуры означения. Все что происходит в процессе означения, делается внутри языка. Но это «внутри» имеет также свою «внешнюю сторону» – сам мир, который оказывается для нас в той мере осмысленным, в какой он предстает означенным [Кравченко 2008]. Его форма едина и представлена двумя сторонами – знаками и вещами, предложениями и фактами, которые циклически или взаимно-референциально образуют и поддерживают друг друга.

Язык таким образом является Eigenform или субстанцией в философском смысле – он творит мир в себе и через себя. Означаемое взаимно-референциально относится к означающему, графически напоминая эшеровские руки или две стороны листа. Однако их взаимная референциальность действует по принципу рекурсии – мультиплицированного умножения референций, где каждый следующий знак оказывается на месте означаемого в новом цикле. В результате такой схемы, строго говоря, и должен появиться Мир, который, если мы присмотримся и задумаемся, всегда уже есть результат означения – осмысления. Мир = Миру означенному.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Барт 1994 – *Барт Р. S/Z*: Бальзаковский текст: опыт прочтения. – М.: Ad Marginem, 1994.

Борчиков 2014 – *Борчиков С.А.* О метафизике формы // Философские науки. 2014. № 8. С. 112–120.

Витгенштейн 1958 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. – М.: Наука, 1958.

Деррида 2000 – *Деррида Ж.* Письмо и различие / пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. – СПб.: Академический проект, 2000.

Кашкин 2013 – *Кашкин В.Б.* Обыденные представления о языке и научная лингвистика // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. № 15. С. 34–38.

Кравченко 2008 – *Кравченко А.В.* Языковой семиозис и пределы человеческого познания // Когнитивные исследования языка. Вып. III. – М.: Институт языкознания РАН; – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 37–45.

Моисеев 2014 – *Моисеев В.И.* Исчисление форм как проект математической философии // Credo New. 2014. № 4 (80). С. 84–100.

Подзолкова 2014 – *Подзолкова Н.А.* Собственная форма как ближайшая коллективная задача интегральной гносеологии // Философские науки. 2014. № 10. С. 126–136.

Попков 2015 – *Попков В.В.* Арифметика сознания Дж. Спенсера-Брауна // Онтология проектирования. 2015. Т. 5. № 1(15). С. 85–109.

Соссюр 2004 – *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. – М.: УРСС, 2004.

Eco 1990 – *Eco U.* Unlimited Semiosis and Drift: Pragmaticism vs. «Pragmatism» // *The Limits of Interpretation.* Bloomington, (IN): Indiana University Press, 1990. P. 23–43.

Flavell 1979 – *Flavell J.H.* Metacognition and cognitive monitoring: A New Area of Cognitive-Developmental Inquiry // *American Psychologist.* 1979. No 34/10. P. 906–911.

Foerster 1960 – *Foerster H.* On Self-organizing Systems and their Environments // *Self-Organizing Systems* / ed. by M.C. Yovits, S. Cameron. – New York: Pergamon Press, 1960. P. 31–50.

Füllsack 2014 – *Füllsack M.* The Circular Conditions of Second-order Science Sporadically Illustrated with Agent-based Experiments at the Roots of Observation // *Constructivist Foundations.* 2014. Vol. 10. No. 1. P. 46–54.

Kauffman 2005 – *Kauffman S.* Eigenform // *Kybernetes, The International Journal of Systems and Cybernetics.* 2005. Vol. 34. No. 1/2. P. 129–150.

Maturana 1990 – *Maturana H.* Science and Daily Life: The Ontology of Scientific Explanations // *Self-Organization: Portrait of a Scientific Revolution* / ed. by W. Krohn et al. – Dordrecht; Boston; London: Kluwer, 1990. P. 13–35.

Morris 1964 – *Morris C. W.* Signification and Significance: A Study of the Relations of Signs and Values. – Cambridge (MA): MIT Press, 1964.

Pattee 1995 – *Pattee H.H.* Evolving Self-reference: Matter, Symbols, and Semantic Closure // *Communication and Cognition – Artificial Intelligence.* 1995. Vol. 12. No. 1–2. P. 9–27.

Riegler, Weber 2013 – *Riegler A., Weber S.* Non-dualism: A New Understanding of Language // *Constructivist Foundations.* 2013. Vol. 8. No. 2. P. 139–142. – URL: <http://constructivist.info/8/2/139>

Sebeok, Umiker-Sebeok 1992 – *Sebeok Th.A., Umiker-Sebeok J.* (eds.) Biosemiotics. The Semiotic Web 1991. – Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1992.

Spencer-Brown 1969 – *Spencer-Brown G.* Laws of Form. Lodon: Allen and Unwin, 1969.

Umerez 1995 – *Umerez J.* Semantic Closure: A Guiding Notion to Ground Artificial Life // *Advances in Artificial Life* / ed. by F. Moran, A. Moreno, J.J. Merelo, P. Chacon. – Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 1995. P. 77–94.

REFERENCES

Bart R. (1970) *S/Z* (Russian Translation: Moscow: Ad Marginem, 1994).

Borchikov S.A. (2014) On the Metaphysics of Form. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki.* 2014. No. 8, pp. 112–120 (in Russian).

Derrida J. (1967) *L'écriture et la différence* (Russian Translation: Saint Petersburg: Akademicheskij proekt, 2000).

Eco U. (1990) Unlimited Semiosis and Drift: Pragmaticism vs. «Pragmatism». In: *The Limits of Interpretation* (pp. 23–43). Bloomington, IN: Indiana University Press.

Flavell J.H. Metacognition and Cognitive Monitoring: A New Area of Cognitive-Developmental Inquiry. *American Psychologist*. Vol. 34, no. 10. pp. 906–911.

Foerster H. (1960) On Self-organizing Systems and their Environments. In: *Self-Organizing Systems* (pp. 31–50). New York: Pergamon Press.

Füllsack M. (2014) The Circular Conditions of Second-order Science Sporadically Illustrated with Agent-based Experiments at the Roots of Observation. In: *Constructivist Foundations*. Vol. 10, no 1, pp. 46–54.

Kashkin V.B. (2013) Common Ideas on Language and Scientific Linguistic. *Aktualniye problem filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. Vol. 15, pp. 34–38 (in Russian).

Kauffman S. (2005) Eigenform. *Kybernetes – The International Journal of Systems and Cybernetics*. Vol. 34, no. 1/2, pp. 129–150.

Kravchenko A.V. (2008) The Lingual Semiosis and the Bounds of Human Cognition. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Issue III* (pp. 37–45). Moscow: Institut yazykoznaniya RAN; Tambov: Izdatel'skiy dom TGU im. G.R. Derzhavina (in Russian).

Maturana H. Science and Daily Life: The Ontology of Scientific Explanations. In: Krohn W. et al. (Eds.) *Self-Organization: Portrait of a Scientific Revolution* (pp. 13–35). Dordrecht; Boston; London: Kluwer.

Moiseev V.I. (2014) The Calculation of Forms as a Project of Mathematical Philosophy. *Credo New*. Vol. 80, no. 4 (in Russian).

Morris C.W. (1964) *Signification and Significance: A Study of the Relations of Signs and Values* (pp. 401–414). Cambridge, MA: MIT Press.

Pattee H.H. (1995) Evolving Self-reference: Matter, Symbols, and Semantic Closure. *Communication and Cognition–AI*. Vol. 12, no. 1–2, pp. 9–27.

Podzolkova N.A. (2014) The Eigenform as the Nearest Collective Task of Integral Gnosiology. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2014. No. 10, pp. 126–136 (in Russian).

Popkov V.V. (2015) The Spencer Brown's Arithmetic of mind. *Ontologia proektirovaniya*. Vol. 5, no. 1, pp. 85–109 (in Russian).

Riegler A. & Weber S. (2013) Non-dualism: A New Understanding of Language. *Constructivist Foundations*. Vol. 8, no. 2, pp. 139–142. Available at: <http://constructivist.info/8/2/139>

Saussure F. de (1916) *Cours de linguistique générale* (Russian Translation: Moscow: Editorial URSS, 2004).

Sebeok, T.A. & Umiker-Sebeok J. (Eds.) (1992) *Biosemiotics. The Semiotic Web 1991*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.

Spencer-Brown G. (1969) *Laws of form*. London: Allen and Unwin.

Umerez J. (1995) Semantic Closure: A Guiding Notion to Ground Artificial Life. In: *Advances in Artificial Life* (pp. 77–94). Berlin; Heidelberg: Springer Verlag.

Wittgenstein L. (1921) *Logisch-philosophische Abhandlung* (Russian Translation: Moscow: Nauka, 1958).